

Своеобразие связи с народной культурой в русском романтизме в контексте европейской художественной традиции

Л. В. ФЕДОТОВА

(АРМАВИРСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье раскрывается своеобразие отношения русских романтиков к национальному фольклору.

Ключевые слова: русское романтическое искусство, народная культура, фольклор.

The Distinctiveness of Relation between Russian Romanticism and Folk Culture in the Context of the European Art Tradition

L. V. FEDOTOVA

(ARMAVIR LINGUISTIC UNIVERSITY)

In the article the peculiarity of Russian romanticists' attitude to the national folk culture is being considered.

Keywords: Russian romantic art, folk culture, folklore.

Развитие в литературе авторского начала в эпоху Возрождения и в Новое время поставило литературу и фольклор в конфликтные отношения и отодвинуло устное народное творчество на периферию культурной жизни. В культуре европейских городов, особенно столиц, признанных центров и эталонов новой культуры места для фольклора с его тысячелетними традициями и ценностями народной культуры практически нет. Напротив, в местах, отдаленных от таких центров, фольклор не только сохраняется, но и продолжает функционировать, составляя одну из основ повседневности. На рубеже XVIII–XIX вв. сначала предромантики, а потом романтики совершенно меняют культурную ситуацию: граница между фольклором и авторским искусством начинает утрачиваться, народная культура и искусство образованного общества сближаются, возникает диалог двух культур. Впоследствии культурное развитие Европы уже нельзя представить без этого диалога, временами переходившего в глубокое взаимодействие. Очевидно, были особые причины

для того, чтобы из одного состояния культура континента перешла в другое, в основном сохраняющееся до наших дней. Изучение этих причин и вызванных ими форм диалога культур, возникших с усилением романтических тенденций и появлением на исторической арене романтизма как художественной системы, представляется актуальным. А для отечественной науки особенно значимым становится культурологическое осмысление особенностей в этом отношении русского романтизма.

Европейский романтизм открыл в искусстве новый мир чувств и страстей, сферу порыва к идеалу, творческого воображения. Романтический художественный метод оказал многими своими сторонами огромное и зачастую плодотворное влияние на дальнейшее развитие искусства. Лучшие традиции романтизма питало творчество большинства крупных мировых художников первой половины XIX в., в том числе и русских авторов.

К примеру, в ранней молодости А. С. Пушкин «с ума сходил» от чтения Байрона (Пушкин, 1958: 170), позже увлекся другими по-

* Федотова Линда Владиславовна — кандидат филологических наук, доцент, декан факультета «Лингвистика» Армавирского лингвистического университета. Тел.: +7 (6137) 5-63-94. Эл. адрес: alu@itech.ru

этами (в том числе лейкистами), через романтический культ Шекспира вошел в его творчество шекспиризм — особое качество преимущественно русской литературы, исследованное Н. В. Захаровым (Захаров, 2008). Творческая встреча А. С. Пушкина с Д. Г. Байроном произошла в элегии «Погасло дневное светило...». Одиноким странником бежит с родины, печально пересматривает пройденный жизненный путь; разочарованный в возможности счастья, он, плывя на корабле под послушным парусом, призывает бурю, потому что один бурный океан близок его душе. А. С. Пушкин широко использовал прощальную песнь Чайльд-Гарольда и окружающие ее строфы из поэмы Д. Г. Байрона и написал элегию с пометкой «Подражание Байрону».

Огромную роль европейский романтизм сыграл и в творчестве В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, Е. А. Баратынского, В. Ф. Одоевского, А. Ф. Вельтмана, других русских романтиков, произведения западных романтиков были глубоко проанализированы и получили высокую оценку в статьях В. Г. Белинского, Н. А. Полевого, других ведущих литературных критиков. Но М. Ю. Лермонтов, достигший самых больших высот в романтическом истолковании и воплощении мира, не случайно писал: «Нет, я не Байрон, я другой, еще неведомый избранник, как он, такой же в мире странник, но только с русской душой».

Для величайших писателей рассматриваемого периода увлечение романтизмом характерно на раннем этапе творчества, от которого довольно быстро отошли и Пушкин, и Лермонтов, и Гоголь, заложив основы самого выдающегося феномена в художественной культуре XIX в. — русского реализма. Некоторые романтики, в том числе основоположник русского романтизма В. А. Жуковский, как К. Н. Батюшков, тяготеют к классической традиции античности или итальянского Ренессанса (что показано в диссертациях Е. П. Литинской о Жуковском, И. А. Пильщикова о Батюшкове и др.). Наконец, есть ряд романти-

ческих писателей России, которые не проявили особого внимания к западному романтизму, опирались на собственные народные корни. Такая позиция обнаруживается в думках К. Ф. Рылеева, поэзии А. А. Дельвига, Д. В. Давыдова, в «Коньке-Горбунке» П. П. Ершова, в «Марфе Посаднице» М. П. Погодина. Сходные явления обнаруживаются и в музыке (М. И. Глинка, А. А. Алябьев), и в живописи (К. П. Брюллов, А. И. Иванов, О. А. Кипренский, И. К. Айвазовский), и в журналистике (эстетическая и идеологическая борьба ведущих журналов). Как видим, везде не одна, а несколько различных линий, в том числе и в отношении к народной культуре. И в этих условиях возникают первоначальные основания для возникновения уникального культурного явления — противостояния славянофилов и западников, охватившего практически всю образованную часть российского общества. Такая сложная картина русского романтического тезауруса требует определенного культурологического объяснения.

Социально-историческими предпосылками зарождения романтизма в России можно считать обострение кризиса крепостнической системы, общенациональный подъем 1812 г., формирование дворянской революционности. Романтические идеи, настроения, художественные формы явственно обозначились в русской литературе на исходе 1800-х годов. Разочарование в окружающей действительности, столь характерное для европейского романтизма, лежит и в основе всех разновидностей русского романтизма, отсюда свободное проникновение в русскую культуру западных романтических моделей и образцов. В этой связи важно представить русский романтизм в широкой концепции большого общеевропейского романтизма, в поступательном развитии всей мировой литературы.

Однако уже на первых стадиях развития русского романтизма в нем проявились некие особые мотивы, которые в дальнейшем формировались уже вне рамок романтиче-

ского движения как своеобразные черты русского самосознания и русской культуры.

В. Г. Белинский в работе «Николай Алексеевич Полевой» очень точно охарактеризовал доромантический (ломоносовский), карамзинский и романтический периоды русской литературы. О первом он писал: «Во время Ломоносова нам не нужно было народной поэзии: тогда великий вопрос — «быть или не быть» — заключался для нас не в народности, а в европеизме» (Белинский, 1948: 144). Отмечая достижения романтического периода, связываемого с именами В. А. Жуковского, Н. А. Полевого и в наибольшей степени молодого А. С. Пушкина, он утверждал, что «литература навсегда освободилась от условных и стеснительных правил, связывавших вдохновение и стоявших непреодолимою плотиною для самобытности и народности» (там же: 155). При этом Белинский вовсе не видел в народности только обращение к фольклору, старине. Скорее это он находил у немцев. Те, борясь с влиянием французской литературы «в пользу немецкой национальности в литературе», оказались в непростой ситуации: «В своей настоящей, современной действительности Германия не видела, по известным причинам, никаких национальных элементов и обратилась к своему прошедшему, к своим средним векам, к рыцарским замкам с их башнями и подъемными мостами, с их поэтическим варварством и романтической дикостью их нравов» (там же: 153). У России же была другая ситуация, отсюда отсутствие необходимости порывать с доромантическим периодом и погружать литературу в фольклорные формы: «Говорят, будто сам Пушкин впоследствии ставил себе в вину, что своими дивными стихами окончательно и безвозвратно утвердил эти размеры за русскою поэзиею и будто он хотел воротиться к размерам наших народных песен, для чего и написал свою «Сказку о рыбаке и рыбке». Если это правда, — это была ошибка со стороны великого поэта. Метр народных песен был хорош для выражения бедного круга понятий, выражаемых ими; но и в этом круге

он далеко не исчерпывал просодического богатства русского языка; для выражения же новой бесконечно разнообразной и широкой сферы понятий он был бы совершенно недостаточен и крайне однообразен. Версификация Ломоносова недаром утверждалась: она сродна духу русского языка и сама в себе носила свою силу, от этого все попытки заменить ее были и будут бесплодны» (там же: 145).

Ранний русский романтизм отразил начальный этап социально-исторического перелома, начавшегося в России. В эту пору тревога перед неясным будущим вызывала особенно волнующие колебания и противоречия, борьбу прогрессивных и консервативных тенденций (на тот момент еще не было смелого и решительного разрыва с уходящим, а будущее представлялось неясным и опасным). В первую очередь это порожденное разочарованием во Французской революции сомнение в мудрости Запада, в идущей с Запада идее прогресса и, в более общем плане, — сомнение в ценности самих основ европейской жизни. Поход русских войск в Европу способствовал не только разочарованию «передовой молодежи» в отечественном самодержавии и крепостничестве, но и формированию более критического отношения к Западу. Таким образом, русский романтизм, имея ряд общих черт с западноевропейским и испытав на себе сильное влияние последнего, в некотором отношении сохранил собственную специфику. Особенность, характеризующая судьбы романтизма и его идейного наследия на русской почве, состоит в том, что категории, выражающие собой национальное своеобразие культуры («национальный характер», «дух народа»), чрезвычайно рано стали приобретать социальную конкретизацию и трансформироваться в понятия, имеющие одновременно «национальную» и «социальную» смысловые составляющие.

Диалог народной и цивилизационной культур (см.: Луков, 2010) в России не похож на западные примеры. В России в отличие от Запада не требовалось «открытия» на-

родной культуры: дворянский быт, в основном связанный не с городской цивилизацией, а с сельским укладом, предполагал постоянное, ненавязчивое соединение дворянской культуры в духе «первой глобализации» (французский язык, французские романы, французская мода, с добавлением немецкой философии, английской экономической теории и предромантической и романтической поэзии, готицизма, английских парков и т. д.) с народной культурой. Это глубоко представлено в содержащемся в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина описании деревенского быта в имении Лариных, образа Татьяны, «русскою душой», но пишущей письмо Онегину по-французски, а также Ленского, Онегина.

Вот почему, например, А. С. Пушкин, с большим интересом отнесшийся к творчеству лейкистов, не взял на вооружение их литературную обработку народной баллады. Напротив, у них же он находит довольно второстепенный мотив — прославление вполне классического жанра сонета, сформировавшегося не в фольклоре, а в ученой среде Данте и первых гуманистов. В период 1829–1830-х годов интерес А. С. Пушкина к У. Вордсворту стимулировали переводы сонетов английского поэта в поэтических сборниках Ш.-О. Сент-Бёва, под этим впечатлением А. С. Пушкин создает в 1830 г. три стихотворения в данном ключе. Первое из них — «Сонет» («Суровый Дант не презирал сонета...», 1830 г.), в котором декларируется правомерность существования жанра и беглым обзором важнейших моментов его истории демонстрируются широкие жанровые возможности, — является свободным переложением сонета У. Вордсворта «Scorn not the Sonnet...» («Не презирай сонета...», 1827 г.) со значительной опорой на французский перевод Сент-Бёва. Баллады более характерны для В. А. Жуковского, но и в его творчестве они не выступают как главный жанр, более того, судьба баллады немецкого предромантика Г. А. Бюргера «Ленора», превратившейся под пером В. А. Жуковского из перевода в вольный пе-

ревод «Людмила» и русскую поэму «Светлана», показывает направление, в котором поэт осмысливал иностранное произведение: оно превращалось в литературный факт русского национального самосознания, погружаясь в русский быт и сохраняя лишь основную сюжетный ход бюргеровской баллады.

«Земное» и «небесное», личность и природа слиты и взаимообусловлены в произведениях русских романтиков. Здесь можно было бы усмотреть влияние «открытия природы» (об этом понятии применительно к литературе см.: Шайтанов, 1989), осуществленного западными предромантиками и романтиками (оссианизма, кладбищенской поэзии, лейкистов и т. д.). Но более вероятно, что использование образов природы в романтических элегиях, в стихах В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева и других восходит к русской народной песне. В фольклорной лирике эти образы служили и поэтическим зачином, и художественным фоном, помогавшим глубоко выразить настроение песни. Природа грустила вместе с героем, оплакивала его кончину.

Понятие «народность» в русском романтическом искусстве, таким образом, не заимствовано у западных романтиков и не выражается в «открытии национального фольклора», оно имело национальные корни, приобрело в русском культурном тезаурусе (о понятии «тезаурус» см.: Луков Вал., Луков Вл., 2008) значительно более масштабное содержание и заняло после романтиков одно из центральных мест в системе констант русской культуры (о понятии «константа культуры» см.: Гайдин, 2009).

Итак, в России романтизм развивался на других основаниях, чем в культурах Западной Европы. Среди этих особых оснований, составляющих специфику русского романтизма, выделяются: близость к своей народной культуре, которую не требовалось «открывать»; разочарование в западной модели жизни при отчетливом стремлении войти в европейский культурный мир, что происходило и через освоение многообразия евро-

пейских национально-культурных традиций. Высшим выражением этих тенденций стала пушкинская «всемирность», в дальнейшем определившаяся как характерная черта русского культурного тезауруса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Белинский, В. Г. (1948) Николай Алексеевич Полевой // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 3 т. / под общ. ред. Ф. М. Головенченко. М. : ГИХЛ. Т. 3.

Гайдин, Б. Н. (2009) Вечные образы как константы культуры (интерпретация «гамлетовского вопроса») : дис. ... канд. филос. наук. М.

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Луков, Вал. А., Луков, Вл. А. (2008) Тезаурус : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : НИИ.

Луков, Вл. А. (2010) Народная культура и цивилизационная культура // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 268–271.

Пушкин, А. С. (1958) Опровержение на критике // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. М. : Изд-во АН СССР. Т. 7.

Шайтанов, И. О. (1989) Мыслящая муза : Открытие природы в поэзии XVIII века / отв. ред. Н. П. Михальская. М. : Прометей.

Авторефераты диссертаций, защищенных аспирантами Московского гуманитарного университета

Вильгельм, К. Ю. История средств массовой информации объединенной Германии 1990–2000 гг.: проблемы и тенденции : автореф. дис. ... канд. ист. наук [Текст] / Вильгельм Кирилл Юрьевич : 07.00.03 : Всеобщая история (новейший период). — М., 2010. — 17 с.

Иванов, А. В. Инновационные процессы в системе реабилитации инвалидов : автореф. дис. ... канд. социол. наук [Текст] / Иванов Артем Валентинович : 22.00.04 : социальная структура, социальные институты и процессы. — М., 2010. — 20 с.